

М.Ю. Трейстер

БРОНЗОВАЯ МАТРИЦА НАЙДЕННАЯ В ПОЙМЕ р. ТРУБЕЖ (об использовании бронзовых матриц с рельефными изображениями в Причерноморье в VI—IV вв. до н. э.)

В статье рассматривается найденная в 2015 г. в пойме р. Трубеж и недавно опубликованная бронзовая матрица с рельефными изображениями. В целом соглашаясь с авторами первой публикации относительно ее датировки в рамках первой половины IV в. до н. э., автор рассматривает гипотезу о ее возможном боспорском происхождении и делает попытку рассмотреть находку в контексте известной нам информации о бронзовых матрицах с рельефными изображениями в Западном и Северном Причерноморье. В этой связи предлагается атрибуция а также исправленная информация о происхождении бронзовой пластины «из Карлеруэ», которая возможно является матрицей для обкладок мечей типа найденной в кургане Куль-Оба.

Ключевые слова: матрицы, торевтика, Западное и Северное Причерноморье, Скифия, Фракия, Боспорское царство, клейма мастеров, обкладка меча из Куль-Обы, бронзовая пластина «из Карлеруэ».

Недавно была опубликована бронзовая матрица с рельефными изображениями, найденная в пойме р. Трубеж¹ (рис. 1) [Бессонова и др., 2016, с. 189—205]. Памятник настолько интересен, с одной стороны, и далеко не все аспекты, связанные с ним, с другой стороны, были рассмотрены в публикации, что я взял на себя смелость еще раз обратиться к его рассмотрению, сосредоточив свое внимание именно на тех аспектах, которые остались вне поля зрения авторов предварительной публикации.

В публикации дается описание матрицы, рассматривается ее композиция и орнамен-

тальная оформление, приводятся аналогии пяти отдельным изображениям лицевой стороны, как в искусстве Передней Азии, так и среди золотых украшений из скифских курганов Северного Причерноморья и из монетных эмблем, прежде всего Боспорского царства. Подводя итоги, авторы датируют матрицу первой половиной, возможно первой четвертью IV в. до н. э., отмечая при этом, что ее композиция является более архаичной и в ней ощущается влияние переднеазиатского, ахеменидского искусства. По мнению исследователей, анализ композиции, отдельных изображений и элементов последних позволяет предполагать, что матрица была изготовлена «на Боспоре или мастером-боспорянином».

Очевидно, что для решения вопросов о датировке матрицы, ее культурной принадлежности, истоков образов и композиции недостаточно рассмотреть аналогии композиции, сюжетам и их элементам. Надо представлять себе, какое место этот памятник занимают в кругу аналогичных изделий, инструментов торевтов, при этом необходимо рассмотреть известные нам матрицы архаического и классического времени.

Я уже обращался к этой теме в книге, опубликованной более 15 лет назад² [Treister, 2001], которая осталась неизвестной авторам публикации. Матрицы античных торевтов изготавливались из камня или бронзы. Безусловно, были и не дошедшие до нас деревянные матрицы. Рабочие изображения на матрицах могли быть выполнены в рельефе или быть врезными.

В целом в античную эпоху преобладали каменные и бронзовые матрицы с негативными

1. Автор выражает искреннюю признательность С.А. Скорому за предоставление фотографии матрицы и информацию о ней.

2. См., например, мой обзор 2008 г.: <http://www.ehw.gr/l.aspx?id=10784>.

Рис. 1. Бронзовая матрица, найденная в пойме р. Трубеж, ИА НАН Украины. Общие виды и детали (фото ИА НАН Украины)

(врезными) изображениями. Бронзовые матрицы, которые относятся к до-эллинистическому времени чрезвычайно редки, особенно это касается матриц с рельефными изображениями, все известные находки которых, датирующиеся IV в. до н. э.¹ и более ранним временем происходят с территории Северо-Восточной Болгарии (Кубрат, Горско Абланово, Гарчиново, окрестности Варны) (рис. 2). Несмотря на то, что все они являются случайными находками, три матрицы происходят практически из одной местности — это северная часть Тырговиштской и Разградская области, при этом Горско Абланово

1. Я не могу согласиться с датировкой IV—III вв. до н. э. бронзовой матрицы с рельефным изображением сидящей на троне Кибелы, а не Деметры, как полагает автор первой публикации [Скорый, 2013, с. 193—201; Скорый, Зимовец, 2014, с. 138, № 1/403]. Как место находки этой матрицы указано поселение эллинистического времени в уроч. Колтан у с. Александровка в Белогорском р-не Крыма. Матрица датируется не раньше III—II вв. до н. э., не исключена и ее более поздняя датировка (ср. бронзовые матрицы с изображением сидящих и стоящих божеств из Фракии и Северного Причерноморья первых веков н. э. [Treister, 2001, р. 301—302].

и Гарчиново расположены в 5 км друг от друга, а от Горско Абланово до Кубрата — 30 км и все это находится очень близко от крупного производственного центра фракийского племени гетов — Сборяново [Stoyanov, Mihaylova, 1996, р. 55—77]. Другая группа находок концентрируется восточнее, ближе к побережью Черного моря и происходит из района Варны, древнего Одессоса.

Четыре бронзовые матрицы с рельефными изображениями, служившие для тиснения деталей конской узды и датируемые IV — началом III в. до н. э., были найдены в 1930-х гг. также в Северо-Восточной Болгарии в районе с. Бозвельийско в районе Варны, [Минчев, 2004, с. 53—67, № 1—4, рис. 1—5]. В контексте нашей публикации особого внимания заслуживает матрица с изображением двух орлиноголовых грифонов, стоящих в антитетической позе [Минчев, 2004, с. 62—64, № 4, рис. 5]. Еще на двух матрицах представлены сцены схватки животных: собака, нападающая на кабана, и собака, нападающая на медведя. На круглой матрице представлен всадник с двумя копьями.

Существо, представленное на бронзовых рельефных матрицах из Кубрата (рис. 2, 2) [Ива-

Рис. 2. Бронзовые рельефные матрицы, найденные в Северо-Западной Болгарии: 1 — Горско Абланово. Тырговиште, музей, инв. № 3553; 2 — Кубрат. Разград, музей, инв. № 3719; 3 — Гарчиново. Шумен, музей, инв. № 23

нов, 1982, с. 33—35; Cat. Venice 1989, p. 181, no. 139; Agre, 1995, p. 290, fig. 1; Cat. Saint Louis, 1998, p. 36, fig. 2; Stoyanov, 2000, p. 90; 2010, p. 421—422, fig. 11; Маразов, 2013, с. 22, рис. 2] и Горско Абланово (рис. 2, 1) [Кръстева, 1983, с. 45—47; Cat. Venice, 1989, p. 181, no. 140; Stoyanov, 2000, p. 90; 2010, p. 421—422, fig. 12] имеет тело и нижние конечности коня, крылья птицы и человеческое лицо. Оно держит переброшенное через плечо тело волка или собаки. Это крылатое существо отождествляется исследователями с Аресом Кандаоном («удушителем волков») [Agre, 1995, p. 289—290; Маразов, 2013, с. 22]. Матрицы происходят с территории Северо-Восточной Болгарии, области, где жили геты — их датируют концом V — началом IV в. до н. э. [Иванов, 1982, с. 33—35; Agre, 1995, p. 290] или IV в. до н. э. [Кръстева, 1983, с. 45—47], или второй половиной IV в. до н. э. [Stoyanov, 2000, p. 90; 2010]. Особый интерес заслуживает тот факт, что ближайшая аналогия изображению имеется, как показала Д. Агре [Agre, 1995, p. 290], на электровых¹ бляшках

1. На самом деле, описание в каталоге Ханенко довольно противоречивое. «Бляхи из электрона (числом 3), литые, ажурная и позолоченная». Означенные бляхи были найдены при удилах и, вероятно, составляли украшение конской узды» [Древности ..., 1899, с. 34].

найденных у с. Прусы² [Древности ..., 1899, с. 34, табл. XX, 453; Agre, 1995, p. 291, fig. 2]. Вместе с тем, имеются и существенные отличия — на бляшках из Прусс, изображение не фронтальное, а профильное (вправо). Еще важнее то, что существо, изображенное бляшках из Прусс, имеет туловище не коня, а льва. Таким образом. Агре обозначает бляшки из Прусс как электровые.

На каждой из рассмотренных выше матриц имелось лишь одно изображение, а сами матрицы небольшого размера (4,8 × 5,0 и 7,4 × 5,7 см) служили, вероятно, для изготовления деталей конской узды. На их фоне выделяется матрица из Гарчиново — случайная находка 1919 г. на правом берегу р. Черны Лом (рис. 2, 3; [Fettich, 1934; Filow, 1934, S. 197—205]; см. библиографию: [Damyanov, 1998, p. 28—39; Treister, 2001, p. 161—167; Атанасов, 2005, с. 126—129]). Это бронзовая пластина с прямым основанием и слегка выпуклым верхним краем; левый край матрицы не вертикальный, а скошен слегка влево, справа у матрицы имеется ручка подтреугольной формы с округлым завершением. Матрица покрыта рельефными изображениями, расположенными тремя го-

2. Нынешнее местонахождение бляшек мне неизвестно — во всяком случае, они не были включены в своды Н.А. Онайко и В.Г. Петренко.

ризонально рядами. Центр матрицы занимают три крупных фигуры вправо (кошачий хищник, олень и хищная птица — два последних — с головой повернутой назад. Кроме того, во центральном поле изображения расположены головки хищных птиц. Верхний и нижние ряды заняты мелкими фигурами. Вдоль верхнего края матрицы это головки хищных птиц, между которыми расположена практически на спине центральной фигуры оленя — изображение стоящего кошачьего хищника, обращенного влево. Нижний фриз матрицы отделен от остальных изображений горизонтальным валиком. Между ним и полосой жемчужника, проходящей по нижнему краю матрицы представлены изображения идущих влево (три фигуры слева) и идущих или лежащих вправо (четыре фигуры справа) различных животных — среди них: кошачьи хищники, кабан, бык и олень. Пластина представляет собой массивное литье. Ее масса 2343 г; при толщине около 0,6 см она имеет максимальную длину 34,5 при высоте 10,5 см по краям и 12,0 см — в центральной части. Длина фризов 29,5 см. Высота рельефа изображений составляет от 0,4 до 1,3 см [Filov, 1934, S. 197—198].

Матрица датировалась различными исследователями по-разному: от VII—VI до начала IV в. до н. э., хотя большинство исследователей склонялось к датировке матрицы V в. до н. э. (см. обзор: [Treister, 2001, p. 161]). По-разному трактовалось и ее происхождение. Если вначале исследователи предполагали, что она была изготовлена в мастерской одного из греческих центров Западного или Северо-Западного Причерноморья, в частности Ольвии (в последнее время эту точку зрения разделяет также Дамианов [Дамьянов, 1998, p. 35—37]), то в дальнейшем исследователи, отмечая несомненную связь матрицы со скифским звериным стилем, отмечая влияния ахеменидского и архаического греческого искусства, предполагали, что матрицы была инструмент фракийского или гетского торефта. При этом в работах последних десятилетий отмечалась несомненная связь изображений на матрице с образами на фракийско-гетских серебряных сосудах и шлемах (см. обзор: [Treister, 2001, p. 162—163]). Что касается назначения матрицы (см. обзор: [Treister, 2001, p. 164]), то ее считали инструментом для изготовления обкладок горитов или кубков типа Аджигол. Другие полагали, что рельефы матрицы могли использоваться и по отдельности, а некоторые исследователи выражали сомнения в том, что это была матрица. К последней точке зрения недавно присоединилась В. Инкова, отмечая: «данные о составе, технологии производства и прежде всего особенности ее конфигурации, формальные особенности рельефа, задней стороны и литника, а также физико-механическое состояние самой формы дают мне основания предположить, что

вероятнее всего, она никогда не использовалась как матрица, то есть как инструмент для декорирования металлических изделий путем пластической деформации» [Инкова, 2013, с. 46]. Нельзя не отметить, что существуют очевидные параллели между композицией матрицы и фракийско-гетских серебряных сосудов, а также шлемов, которые относят к изделиям так наз. мастерской Аджигола и датируют ок. 360—340 гг. до н. э. В то же время, это означает более или менее существенный разрыв между датировкой матрицы и указанных предметов. Далее, исследование технологии изготовления последних свидетельствуют о том, что они изготавливались в технике свободного репуссе, т. е. без применения матриц, а изображения обрабатывались чеканкой и гравировкой с лицевой стороны. Таким образом, хотя определенная связь матрицы, с одной стороны, сосудов и шлемов, с другой, и прослеживается, матрицу из Гарчиново можно рассматривать скорее, как одно из предыдущих звеньев в цепочки матриц, которые копировались, таким образом, передавая традиционные образы на протяжении длительного времени [Treister, 2001, p. 164—166]. О том, что матрица из Гарчиново могла существовать довольно долго, свидетельствует наблюдение В.В. Василева, о том что боковая ручка была приделана к ней позднее, в процессе использования [Vasilev, 1987, fig. 26]. Соответственно, можно прийти к выводу о том, что матрица, изготовленная в V в. до н. э. фракийским или гетским мастером под влиянием различных стилей, в частности скифского и иранского искусства, через несколько поколений после этого была использована в качестве источника заимствования образов и композиции (а не как инструмент торефта) для изготовления серебряных сосудов и шлемов так наз. фракийско-гетского стиля. С этой точки зрения ее можно было бы сравнить с гипсовыми слепками, преимущественно медальонов сосудов из драгоценных металлов, которые в эллинистическую эпоху и в первые века н. э. получили широкое распространение (от Северной Африки до Центральной Азии, выступая в качестве образцов, «Bildbücher» [Treister, 2001, p. 166—167; эта точка зрения была принята и другими исследователями, см., например, Инкова, 2013, с. 46].

Если внимательно посмотреть, то многое из того, что было написано мною более пятнадцати лет назад относительно матрицы из Гарчиново, может быть отнесено и к матрице, найденной в пойме р. Трубеж.

Интересно, что, как и в случае с рельефными матрицами, найденными на территории Северо-Восточной Болгарии, нам неизвестны украшения, которые могли бы быть изготовлены при помощи матрицы из поймы р. Трубеж. В этой связи отмечу, что скорее можно было бы ожидать, что матрица использовалась для тис-

нения отдельных бляшек, тем более что размеры квадратных полей с изображениями (2,6 × 2,6 см) вполне соответствуют размерам многих бляшек из скифских курганов, несмотря на то, что сверху и снизу все шесть квадратных полей с изображениями обрамлены полосами декора в виде плетенки¹ и волнистой линии (рис. 1, 1). Предполагаемое с наибольшей вероятностью назначение матрицы для изготовления пластин калафов, нежели украшения кубков или пластин горита [Бессонова и др., 2016, с. 192], на мой взгляд маловероятно, учитывая тот факт, что в каждой из трех групп изображений представлены индивидуальные образы, а не антитетические композиции одного и того же образа, обращенного, соответственно влево или вправо. В данном случае, я даже не буду говорить о том, что подобные композиции на дошедших до нас пластинах калафов просто не известны.

Далее. Из всех приведенных аналогий отдельным образам на матрице действительно очень близкими, пусть и не идентичными являются изображения крылатого кабана с львиным туловом (рис. 1, 3) на золотых пластинах калафов из Чертомлыка и Толстой Могилы, что совершенно справедливо отмечается авторами, указывающими на то, что с учетом редкой позы этого существа «можно полагать, что это тот же иконографический тип, что и на матрице» [Бессонова и др., 2016, с. 197].

Меня также убеждает сопоставление лица синкретического существа, изображенного слева в правой группе — сфинкса с лицом бородатого сатира или силена (рис. 1, 4). Авторы сопоставляют его далее с образами на монетах боспорской чеканки [Бессонова и др., 2016, с. 199—200]. Однако слабым местом в цепочке сопоставлений является то, что ничего особенно индивидуального в лице сатира (или силена) ни на матрице, ни на аверсе боспорских статеров нет. Такой тип лица, округлого с носом-картошкой вообще характерен для изображений этих персонажей в античном искусстве, в том числе и на профильных изображениях монетах, и на более ранних, чем пантикапейские². Мог ли этот образ быть заимствован из репертуара чеканки Боспорского царства — конечно мог, но не обязательно. Единственное, о чем он говорит — это о знакомстве резчика матрицы

(ее восковой модели) с античным искусством, впрочем, сомнений в этом и так не возникает. Не может быть, на мой взгляд, аргументом и то, что на реверсе рассматриваемых боспорских монет изображен львиноголовый грифон (при этом сами авторы указывают на другой тип крыла грифона, по сравнению с существом на матрице — так или это именно грифон, а не синкретический образ.

Сопоставление лица синкретического существа на матрице с эмблемой на серии боспорских монет Левкона I с самыми ранними подобными изображениями (379—369 гг. до н. э.)³ — по сути дела, важнейший аргумент в пользу боспорского происхождения матрицы (другие приводимые авторами аргументы, см. [Бессонова и др., 2016, с. 202], так или иначе, базируются на нем). Эти другие аргументы (сочетание элементов греческого, малоазийского и ахеменидского искусства, которое, по мнению авторов, могло произойти только на Боспоре) также не бесспорны.

В этой связи еще одно наблюдение. На оборотной стороне матрицы, найденной в пойме р. Трубеж, имеется негативное изображение (рис. 1, 2, 5), которое авторы публикации определяют как стилизованный львиный скаल्प и считают клеймом мастера [Бессонова и др., 2016, с. 190]. К сожалению, никакого анализа этого изображения в статье нет, есть лишь упоминание об использовании образов из боспорской чеканки V—IV вв. до н. э. и изображение монеты с эмблемой голова льва на лицевой стороне и голова барана в профиль на реверсе [Бессонова и др., 2016, с. 194, рис. 5, 1].

Я присоединюсь к предположению авторов публикации, о том, что изображение в технике инталии в углу оборотной стороны матрицы может быть клеймом мастера, изготовившего матрицу, которое он отиснул штампом на восковой модели. Ближайшая параллель имеется на одной из штампов конца VI — начала V в. до н. э., найденных в Восточной Лидии. На плоской втулке штампа для оттискивания изображений стоящей женской фигуры имеется негативное изображение стоящего орла, с крыльями, поднятыми вверх [Özgen, Öztürk, 1996, no. 195; p. 230; Treister, 2001, p. 62, figs. 7—9], на другом аналогичном штампе — изображение розетты [Özgen, Öztürk, 1996, no. 196; p. 230]. В таком случае, анализ «клейма мастера» должен иметь очень важное значение для атрибуции матрицы. Действительно изображение головы льва *en face* было в течение дли-

1. В качестве параллелей обрамления матрицы плетенкой авторы называют фриз на ножнах меча из Солохи [Бессонова и др., 2016, с. 190]. На мой взгляд, необходимо упомянуть и золотую пластину нагрудного украшения из так наз. Майкопского клада, датируемую серединой V в. до н. э. [Greifenhagen, 1970, S. 57, Taf. 30, 2; Platz-Horster, Nagler, 2007, 226, Abb. 9b].

2. См., в целом: LIMC VIII, 1997, p. 1127, nos. 171—176, s. v. Silenoi (E. Simon), например, серебряные литры Катаны ок. 420 г. до н. э.: LIMC VIII, 1997, p. 1127, no. 173, s. v. Silenoi (E. Simon).

3. Авторы приводят датировки по публикации [Анохин, 1986, № 91], вместе с тем в работе [Анохин, 2011, № 1001] эта же серия датирована 370—360 гг. до н. э.; Д.Б. Шелов [Шелов, 1956, № 29] относил указанную серию к 375—360 гг. до н. э., а А.А. Терещенко — к 378—372/1 гг. до н. э. [Терещенко, 2013, с. 111]. Датировки не выходят за пределы 380—360 гг. до н. э.

тельного времени эмблемой лицевой стороны пантикапейских монет на протяжении почти полутора веков, однако последняя серия монет с таким изображением датируется разными исследователями по-разному, но в целом в рамках 420—380 гг. до н. э.¹, в том числе 410—400 гг. до н. э. (Н.А. Фролова), 403—393 гг. до н. э. (В.А. Анохин). Так или иначе, окончание чеканки этой серии монет в настоящее время датируется или 393/2 или 389/8 гг. до н. э., т. е. временем смерти Сатира I и прихода к власти Левкона I [Терещенко, 2013, с. 105, Па-15, 109, табл. III, 1, 2]. Более того, стилистически сильно схематизированное изображение головы льва «клейма мастера» с вертикально стоящими прядями гривы на матрице можно сопоставить не с эмблемами на монетах времени Сатира I, на которых в деталях передана грива льва, а с более ранними изображениями на монетах конца VI — первой половины V в. до н. э. на которых грива льва передана подобным же схематическим образом в виде отдельно стоящих волосков или прядей. Таким образом, это сопоставление входит в хронологическое противоречие с разрабатываемыми авторами аналогиями на монетах Левкона I.

Итак, выдвинутая гипотеза о боспорском происхождении матрицы, как было показано выше, отнюдь не бесспорна. Тем не менее, происхождение матрицы из Северного Причерноморья вряд ли подлежит сомнению, также как и ее датировка в рамках первой половины IV в. до н. э. Все это подтверждает использование в этот период в Северном Причерноморье бронзовых матриц с рельефными изображениями.

В этой связи заслуживает внимание один предмет, получивший известность сравнительно недавно. Это сохранившаяся в трех фрагментах часть бронзовой пластины с рельефным изображением (рис. 3; см. вклейку), идентичным тому, что присутствует на золотой обкладке ножен меча из Куль-Обы [Алексеев, 2012, с. 178—179]. Будучи опубликована как обкладка римского ложа римского времени, найденная в г. Карлсруэ (район Грюнвинкель, где были обнаружены остатки римского поселения) на юго-западе Германии, в результате раскопок на месте переправы через Рейн [Knötzele, 2005, S. 20, Abb. 3], пластина была справедливо сопоставлена Ф. Мецом с обкладкой ножен меча из Куль-Обы и определена как часть бронзовой обкладки ножен меча и самой западной находкой предмета скифской материальной культуры [Мец, 2006. С. 43—45, рис. 1; Топал, 2014, с. 387; Topal et al., 2014, p. 43, 52, fig. 17, 15]. Между тем, в первой публикации была допущена досадная ошибка — рассматриваемый предмет происходит не из раскопок в Карлсруэ, а хранится в частной коллекции в Карлсруэ, при этом нынешний владелец коллекции, по-

жилой человек, унаследовал ее от своего дяди, который предположительно приобрел ее в антиквариате в Хайдельберге² [Wieland, 2013, S. 212—213]. А. Виланд, которой, в отличие от Ф. Меца и Д.А. Топала, построивших исторические реконструкции, основанные на ошибочных данных о находке бронзовой пластины, была известна приведенная выше информация, на мой взгляд, совершенно справедливо исключила возможность того, что в данном случае, речь идет обкладке ножен меча, но не золотой, а бронзовой [Wieland, 2013, S. 213]. Хотя А. Виланд не видела саму пластину, основываясь на описании своего мужа, сотрудника Охраны памятников Земли Баден-Вюртемберг, Г. Виланда, и фотографии, она отмечает, что пластина довольно массивная и не исключает того, что она могла бы быть матрицей, хотя, в конечном счете, склоняется к тому, что, скорее, это может быть гальваноконья, сделанная после 1840 г., оставляя вопрос открытым до полного исследования предмета. Это исследование А. Виланд не провела и пластину она в руках не держала, а Г. Виланд, который ее видел — наблюдал ее только с лицевой стороны, так как она плотно прикручена проволокой к планшету, обтянутому материей. Поскольку нынешний владелец пластины во время подготовки этой статьи был тяжело болен, и пластина была недоступна для изучения, могу высказать лишь следующие соображения. Я согласен с А. Виланд — пластина не может быть обкладкой ножен меча: судя по фотографии, она массивная и на ней нет отверстий. Мне трудно, с другой стороны, согласиться с предположением о том, что это гальваноконья XIX или начала XX в., учитывая степень сохранности (окисления отдельных фрагментов). Конечно, теоретически нельзя исключить, что пластина могла находиться в какой-то коллекции и быть разбитой во время Второй Мировой войны. Я имел возможность видеть пострадавшие в результате бомбежки и пожара предметы, хранившиеся в Римско-Германском музее Кельна. Они выглядят иначе — обгорели, некоторые оплавлены. Я полагаю, что предположение о том, что пластина в частном собрании в Карлсруэ является бронзовой матрицей, служившей для тиснения обкладок меча куль-обского типа, наиболее вероятно. Тот факт, что, как и матрица, найденная в пойме р. Трубеж, пластина «из Карлсруэ» выполнена с рельефными изображениями, является косвенным подтверждением данной гипотезы.

2. Автор выражает искреннюю признательность за информацию и оригинал фотографии предмета из частной коллекции в Карлсруэ, Г. Виланду, а также П. Кнетцеле за разрешение публикации фотографии.

1. <http://bosporan-kingdom.com/068-2082/>.

- Алексеев А.Ю. Золото скифских царей в собрании Эрмитажа. — СПб, 2012. — 272 с.
- Анохин В.А. Монетное дело Боспора. — К., 1986. — 223 с.
- Анохин В.А. Античные монеты Северного Причерноморья. — К., 2011. — 326 с.
- Атанасов Г. Инструменты за производство на ювелирни изделия от фонда на РИМ — Шумен // Тракия и околният свят. — Миф. — 2005. — Т. 9. — С. 123—137.
- Бессонова С.С., Зимовец Р.В., Скорый С.А. Бронзовая матрица скифского времени, найденная в пойме р. Трубеж // АДЦУ. — 2016. — Вып. 2 (19). — С. 189—205.
- Древности Приднепровья. Собрание Б.И. и В.И. Ханенко. — К., 1889. — Вып. II. — 44 с.
- Иванов Т. Тракийски бронзов релеф // Изкуство. — 1982. — № 3. — С. 33—35.
- Инкова В. Одинаковые и разные — три ритона с протомой оленя IV в. до н. э. // Фракийское золото из Болгарии. Ожившие легенды. — М., 2013. — С. 42—53.
- Кат. Москва 2013. Фракийское золото Болгарии. Ожившие легенды. — М., 2013. — 360 с.
- Кръстева М. Бронзова матрица от Г. Абланово, Търговищко // Изкуство. — 1983. — Т. 33, № 4. — С. 45—47.
- Маразов И. Царская идеология и искусство фракийцев // Фракийское золото Болгарии. Ожившие легенды. — М., 2013. — С. 22—31.
- Мец Ф. О недавней находке в Баден-Вюртемберге // Материалы Всероссийского археологического съезда. — Новосибирск, 2006. — Т. II: Современные проблемы археологии России. — С. 43—45.
- Минчев А. Приноси към тракийското златарство. I: Бронзови матрици, калъпи и наковалия от Варненския музей (края на VI—I в. пр. Хр) // Известия на Народния музей Варна. — 2004. — Т. XL (LV). — С. 53—90.
- Скорый С.А. Бронзовая античная матрица из Предгорного Крыма // Stratum plus. — 2013. — № 3. — С. 193—201.
- Скорый С.А., Зимовец Р.В. Скифские древности Крыма. Материалы одной коллекции. — К., 2014. — 180 с.
- Тереженко А.А. Монетное дело Пантикапея в IV в. до н. э. // ВДИ. — 2013. — № 2. — С. 102—127.
- Топал Д.А. Акинаки классической Скифии: тип Солоха // Война и военное дело в скифо-сарматском мире: Материалы междунар. науч. конф. пам. А.И. Мелюковой (с. Кагальник, 26—29 апреля 2014 г.). — Ростов-на-Дону, 2014. — С. 380—406.
- Шелов Д.Б. Монетное дело Боспора VI—II вв. до н. э. — М., 1956. — 220 с.
- Agre D. On the Semantics of the Images of the Matrices Found in the Town of Kubrat and the Village of Gorsko Ablanovo, Targovishte District // Thracia. — 1995. — Vol. 11. — P. 289—298.
- Cat. Saint Louis. Ancient Gold: The Wealth of the Thracians. Treasures from the Republic of Bulgaria. — New York, 1998. — 256 p.
- Cat. Venice. Traci. Arte e cultura nelle terre di Bulgaria dalle origini alla tarda romanita. — Milano, 1989. — 349 p.
- Damyantov M. The Matrix from Garchinovo: Problems of Origin and Dating // Archaeologia Bulgarica. — 1998. — Vol. 2. — P. 28—39.
- Fettich N. Der skythische Fund von Gartschinowo. — Budapest, 1934. — 59 S. (Archaeologia Hungarica. — T. XV).
- Filov B. Ein skythisches Bronzerelief aus Bulgarien // Eurasia septentrionalis antiqua. — 1934. — T. IX. — S. 197—205.
- Greifenhagen A. Schmuckarbeiten in Edelmetall. — Berlin, 1970. — Bd. 1: Fundgruppen. — 102 S.
- Knötzele P. Pater Rhenus und der Stein des Neptun. Spuren der Römer im Raum Karlsruhe // Archäologische Nachrichten aus Baden. — 2005. — Jg. 71. — S. 18—21.
- Özgen I., Öztürk J. Heritage Recovered. The Lydian Treasure. — Istanbul, 1996. — 247 p.
- Platz-Horster G., Nagler A. Im Zeichen des Goldenen Greifen. Königsgräber der Skythen. — Berlin, 2007. — S. 220—227.
- Simon E. Silenoi // LIMC. — 1997. — T. VIII. — S. 1108—1133.
- Stoyanov T. Notes on the Toreutic Workshops: Production in Northeastern Thrace 4th—3rd centuries BC // Civilisation grecque et cultures antiques périphériques. Hommage à Petre Alexandrescu. — Bucharest, 2000. — P. 88—93.
- Stoyanov T. Sinope as Trading and Culture Agent in Thrace during the Classical and Early Hellenistic Periods // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. — 2010. — Vol. 16. — P. 405—428, 557—558.
- Stoyanov T., Mihaylova Z. Metal Working in the Getic city in «Sboryanovo» Locality near Ispereh, NE Bulgaria (Preliminary Report) // Ephemeris Napocensis. — 1996. — T. XVI. — P. 55—77.
- Topal D., Terna S., Popovici S. Akinakai de tip Soloha în contextual unei noi descoperiri de la Nistrul de Jos // Peuce. — 2014. — T. XII. — P. 9—67.
- Treister M. Hammering Techniques in Greek and Roman Jewellery and Toreutics. — Leiden; Köln; Boston, 2001. — 617 p. (Colloquia Pontica. — Vol. 8).
- Vasilev V.P. Bronzene Matrizen aus Moesien und Thrakien // Recherches sur la culture en Mésie et en Thrace (Bulgarie) (Ier—IVe s.). — Sofia, 1987. — P. 177—183 (Известия на Археологическия Институт. — Т. XXXVII).
- Wieland A. Skythisches Gold in griechischem Stil. Untersuchungen zur nordpontischen Toreutik am Beispiel der Waffen- und Gefäßbeigaben des Solocha-Kurgans: Inaugural-Dissertation. — Bonn, 2013. — Bd. 1. — 480 S.

М.Ю. Трейстер

M. Yu. Treister

БРОНЗОВА МАТРИЦЯ, ЩО ЗНАЙДЕНА У ЗАПЛАВІ р. ТРУБЕЖ (про використання бронзових матриць з рельєфними зображеннями в Причорномор'ї у VI—IV ст. до н. е.)

A BRONZE MATRIX FOUND IN THE FLOODPLANE OF TRUBEZH RIVER (on the Use of Bronze Matrices with Relief Images in the Pontic Area in the 6th—4th Centuries BC)

У статті розглядається бронзова матриця з рельєфними зображеннями, що знайдена у 2015 р. у заплаві р. Трубеж. В цілому погоджуючись з авторами першої публікації відносно її датування в межах першої половини IV ст. до н. е., автор розглядає гіпотезу про її боспорське походження, що здається йому можливим, хоча й не очевидним.

The article discusses a bronze matrix with relief images found in 2015 in the floodplain of Trubezh river and recently published. Agreeing in general with the authors of the first publication about its dating in the first half of the 4th century BC, the author examines the hypothesis of its possible Bosporean origin, which seems to him to be non-obvious, though possible.

Матриця розглядається в контексті відомої нам інформації про бронзові матриці з рельєфними зображеннями в Західному та Північному Причорномор'ї. До недавнього часу у Північному Причорномор'ї були відомі або бронзові штампи, або кам'яні матриці із різними зображеннями архаїчного чи класичного часу, але не бронзові матриці з рельєфними зображеннями, які, між іншим, в цей час отримали розповсюдження на території сучасної Північно-Східної Болгарії. Чимало спостережень, що зроблено відносно матриць з численними зображеннями із Гарчиново, можуть бути використані і для інтерпретації матриці, що знайдена в пойми р. Трубеж.

The matrix is discussed in the context of the known information about the bronze matrices with relief images in the West- and North Pontic area. While in the North Pontic area so far there were attested either bronze punches or stone matrices with negative designs of the Archaic and Classical period, but not bronze matrices with relief images, the latter became wide spread at that time in the territory of modern North-Eastern Bulgaria. Certain observations made for the matrix with various reliefs images from Garchinovo in Bulgaria, may be useful for the interpretation of the matrix, found in the floodplain of Trubezh river.

У зв'язку з тим, що тепер, після знахідки публікуємої матриці, можна говорити про використання в Північному Причорномор'ї у IV ст. до н. е. бронзових матриць з рельєфними зображеннями. До того ж, пропонується атрибуція, а також виправлена інформація про походження бронзової пластини «із Карлсруе», яка, можливо, є матрицею для обкладинок пихів мечей типу знайденої в кургані Куль-Оба.

In connection with the now attested use in the North Pontic area in the 4th century BC of bronze matrices with relief designs an attribution (and corrected information about the origin) of the «Karlsruhe» bronze plate, which was probably originally used as a matrix for sword scabbard overlays of the type, found in the Kul-Oba Barrow-mound, is put forward.

Ключові слова: матриці, торевтика, Західне і Північне Причорномор'я, Скіфія, Фракія, Боспорське царство, клейма мастеров, обкладинка меча із Куль-Обы, бронзова пластина «із Карлсруе».

Keywords: matrices, toreutics, North- and West Pontic area, Scythia, Thrace, the Bosporean Kingdom, craftsmen stamps, sword scabbard overly from Kul-Oba, bronze plate in Karlsruhe.

Одержано 7.02.2017

До статті
Л.С. Ключко, З.О. Васиної «Убрання скіф'янок за матеріалами з Мелітопольського кургану»

Рис. 10. Декоративні елементи костюма служниці

К статье
М.Ю. Трейстера «Бронзовая матрица, найденная в пойме
р. Трубеж»

